

УДК 94
DOI 10.32326/19931778_2024_5_14

ОСОБЕННОСТИ ИЗЛОЖЕНИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ В «ХРОНОГРАФЕ» АРХИЕПИСКОПА ПАХОМИЯ

© 2024 г.

Г.А. Емельяненко

Институт российской истории РАН, Москва

egor.a.e@gmail.com

Поступила в редакцию 01.09.2024

Рассматриваются фрагменты «Хронографа» архиепископа Пахомия, посвященные истории Древней Руси до второй трети XIII в. Подробный анализ содержания этой части «Хронографа» проводится впервые в историографии. Анализируется происхождение каждого из рассматриваемых фрагментов и предпринята попытка выявить причины обращения автора текста к тому или иному сюжету. Проведенное исследование позволяет заключить, что, хотя рассматриваемая часть «Хронографа Пахомия» носит преимущественно компилятивный характер, она тем не менее содержит ряд оригинальных сюжетов. Составление древнерусской части «Хронографа Пахомия» вписывается в общий контекст возрождения интереса к древнерусскому прошлому в середине XVII в., который был вызван рефлексией событий Смутного времени.

Ключевые слова: «Хронограф Пахомия», хронограф особого состава, династическая концепция, русское историописание.

Одним из наиболее любопытных памятников русской исторической книжности первой половины XVII в. является «Хронограф» архиепископа Астраханского и Терского Пахомия, относящийся к так называемым хронографам особого состава, созданный в 1649–1650-х гг. [1, с. 45]. Как и другие памятники хронографического жанра, «Хронограф Пахомия» основан на сопоставлении всемирной истории (начиная с библейских времен и античности) с историей Древней Руси и Российского государства. В отличие от «Русского Хронографа», текст которого организован как цельное хронологическое повествование, где «всемирные» и «русские» известия перемежаются между собой, «Хронограф Пахомия» четко делится на две части – всемирно-историческую и русскую/российскую. В первой части дан экскурс в общую историю мира (исключая сведения о русской истории) с ветхозаветных времен до падения Константинополя; вторая часть, озаглавленная как «Летописицик вкратце о Русской земли», начинается с легендарных сюжетов древнейшей истории Руси и заканчивается правлением Алексея Михайловича.

Упомянутый «Летописицик» является одной из первых после событий Смуты начала XVII в. попыток возобновить жанр объемных исторических произведений, повествующих о всей истории Руси с древнейших (в рассматриваемом случае – легендарных) времен вплоть до событий, близких ко времени создания памятника.

В рамках предлагаемой статьи нас будут интересовать фрагменты «Летописицика вкратце о

Русской земли», посвященные истории Руси с легендарных времен до второй трети XIII в., то есть до переноса фокуса повествования на Московское княжество. Именно в этой части текста сосредоточена основная масса оригинальных фрагментов, интересных с точки зрения содержащихся в них исторических концепций.

«Хронограф Пахомия» довольно давно введен в научный оборот. Еще в 1848 г. выдающийся археограф П.М. Строев кратко проанализировал состав одной рукописи из собрания И.Н. Царского и определил читающийся в ней текст как «летопись архиепископа Пахомия», а также опубликовал приписку самого Пахомия, открывающую текст памятника [2, с. 198–199].

Как один из хронографов особого состава «Хронограф Пахомия» был выделен видным исследователем хронографической традиции А.Н. Поповым. Именно он дал рассматриваемому памятнику его название, устоявшееся в последующей историографии. Исследователь предположил, что «Хронограф Пахомия» был создан в 1649 г. (на основе указания самого Пахомия в приписке), и в общих чертах описал состав текста [3, с. 236–242]. Также А.Н. Поповым была опубликована часть текста рассматриваемого памятника по списку из собрания М.П. Погодина [4, с. 315–321]. Впоследствии В.С. Иконников, принимая ключевые положения А.Н. Попова, выявил еще два списка «Хронографа Пахомия», доведя общее количество известных списков до пяти [5, с. 1380–1381].

А.Н. Насонов, один из крупнейших советских исследователей летописания, хотя и не обращался специально к «Хронографу Пахомия», но предположил существование Летописного Свода 1650 г., который, как было убедительно показано в дальнейшем М.А. Савиновым, представлял собой один из списков «Хронографа Пахомия», содержащий только «русскую» его часть [6, с. 487–488; 7, с. 38–39].

В дальнейшем «Хронограф Пахомия» рассматривался в учебном пособии Я.Г. Солодкина, посвященном позднему русскому летописанию, и в биографической статье В.К. Зиборова в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», посвященной Пахомию. В силу особенностей жанра упомянутых работ оба исследователя ограничились лишь краткой характеристикой «Хронографа Пахомия», указав время создания, авторство и возможные источники текста. Среди возможных источников его «всемирной» части Я.Г. Солодкин и В.К. Зиборов указали «Русский Хронограф» 2-й редакции и сочинения Ивана Пересветова, а «русской» части – «Русский Хронограф»: 2-й и 3-й редакции и «Степенную Книгу» [8, с. 95–96; 9, с. 25–26].

Наиболее полным на данный момент исследованием рассматриваемого памятника является кандидатская диссертация М.А. Савинова [1]. В работе содержится всесторонний текстологический анализ «Хронографа Пахомия», принята попытка классификации всех известных исследователю списков, а также проанализирована заключительная часть «русской» части «Хронографа Пахомия», посвященная событиям с начала XVII в. и до правления Алексея Михайловича включительно.

Отдельно стоит отметить публикацию В.И. Бугановым и Н.М. Рогожиным «Краткого московского летописца» из архива в Галле (Deutschland, Halle, Francke-Archiv, J. 61) [10]. Опубликованный текст фактически представляет собой «русскую» часть «Хронографа Пахомия» (без «всемирной» части). Это обстоятельство, на наш взгляд, позволяет отнести упомянутую рукопись к числу списков кратких редакций рассматриваемого памятника (о кратких редакциях «Хронографа Пахомия», выделенных М.А. Савиновым, см. далее). Во вступительной статье к упомянутой публикации В.И. Буганов сделал ряд замечаний относительно содержания найденного им «Краткого московского летописца». В силу озвученных выше причин они применимы к «Хронографу Пахомия». Так, например, исследователь обратил внимание на содержащийся в «Летописце» рассказ об основании Москвы Олегом и сюжет о передаче царских регалий великими князьями из поколения

в поколение (об этих сюжетах подробно будет сказано ниже) [10, с. 522–523].

Однако несмотря на то, что памятник давно введен в научный оборот и сравнительно неплохо изучен, содержащееся в нем повествование об истории Древней Руси привлекало мало внимания исследователей. В лучшем случае, как в диссертации М.А. Савинова, предпринималась попытка выявить источники того или иного фрагмента, повествующего о древнерусской истории, и анализ содержания отдельных фрагментов. Тем не менее «Хронограф Пахомия» содержит довольно интересную концепцию истории Древней Руси, не исчерпывающуюся простой компиляцией материала предшествующих летописных сводов, но включающую в себя ряд оригинальных элементов.

В рамках данной работы мы будем опираться на классификацию известных списков «Хронографа Пахомия», предложенную М.А. Савиновым. Исследователь выделил основную редакцию «Хронографа Пахомия» (включающую 9 списков) и 7 более поздних кратких редакций, большинство из которых состоят всего из одного списка [1, с. 34–56]. Итого, согласно М.А. Савинову, на данный момент известна 21 рукопись XVII–XVIII в., содержащая полный или сокращенный текст «Хронографа Пахомия», что делает его одним из наиболее популярных хронографов особого состава [1, с. 56]. К кратким редакциям «Хронографа Пахомия» можно отнести и «Краткий летописец», опубликованный в работе В.И. Буганова и Н.М. Рогожина, однако для точного установления его места относительно других списков «Хронографа Пахомия» требуется отдельное исследование.

На настоящий момент отсутствует научная публикация текста «Хронографа Пахомия», в силу чего в данной статье ссылки приводятся по одному из списков Карамзинского вида (по классификации М.А. Савинова) – ОР РНБ. Ф. 550. F.IV.600 [1, с. 34–36]. Эта рукопись является одним из наиболее древних и полных списков основной редакции, вероятно лучше всего отражающим её архетип [1, с. 45].

Текст «русской» части «Хронографа Пахомия» начинается со «Сказания о Словене и Русе и граде Словенске» (далее – Сказание). Оно фактически заменяет собой вводную часть о древнейшей истории Руси, которая в летописных и хронографических памятниках традиционно основывалась на «Повести временных лет».

Историческая концепция «Сказания о Словене и Русе» была рассмотрена ранее [11]. Здесь же мы ограничимся лишь кратким пересказом данного памятника и анализом черт, характерных именно для варианта, читающегося в

«Хронографе Пахомия». «Сказание о Словене и Русе» повествует о потомках Скифа (правнука Иафета) – Словене и Русе, которые, возглавив миграцию скифов с Дуная в Приильменье, основали там Словенск Великий (будущий Новгород) и Старую Русу; их имена перешли на весь их народ, который стал именоваться словенами и русами [12, л. 534 об. – 538]. Далее текст повествует о походах воинственных словен и русов на окрестные земли. Эти походы привлекли внимание Александра Македонского, и он пожаловал князьям этого народа грамоту, текст которой является одним из ключевых элементов Сказания [12, л. 538–540]. Нарушив обещание, данное их предками Александру, не преступать пределы пожалованных им земель, князья Лалог (в других вариантах Сказания встречается форма «Лах») и Лахерн совершили набег на Царьград, чем вызвали Божий гнев в виде мора. Из-за него словены и русы были вынуждены покинуть свои земли, отправившись в дальние земли, в том числе «старожитные» страны на Дунае [12, л. 540 об. – 541]. Вернувшись в район Ильменя спустя какое-то время, словены и русы вновь будут вынуждены покинуть свою родину под давлением «белых угров» [12, л. 541]. Завершающая часть Сказания сообщает о третьем (и окончательном) заселении народом словен и русов земель вокруг Словенска Великого (который был основан ими заново), старейшине Гостомысле, который завещал потомкам призвать на княжение правителя «от рода Августа», и вокняжении Рюрика с братьями [12, л. 541–543 об.].

Здесь стоит оговориться, что до занятия астраханской кафедры Пахомий был архимандритом Хутынского монастыря в Новгороде, а одним из его предшественников на этом посту был Киприан (Старорусенков), позже также являвшийся новгородским митрополитом в 1626–1634 гг. [9, с. 25–26; 1 с. 113; 13, с. 156]. Поскольку Киприан является вероятным автором «Сказания о Словене и Русе», это позволило М.А. Савинову выдвинуть предположение, согласно которому Пахомий мог познакомиться со Сказанием в бытность свою Хутынским архимандритом, хотя к моменту его занятия этой кафедры Киприана уже не было в живых [1, с. 113].

Текст «Сказания о Словене и Русе» в «Хронографе Пахомия» имеет ряд характерных особенностей, позволяющих выделить Пахомиевский вариант Сказания [1, с. 81–84]. Так, например, в нем отсутствует именование Александра Македонского «презвитяжным рыцарем», а также упоминание имен языческих богов в тексте «грамоты Александра» – черты,

характерные для других вариантов текста. Это можно было бы объяснить неприятием Пахомием всего, что касается язычества и магии [1, с. 83]. Однако в других местах Пахомиевского варианта Сказания ряд языческих мотивов сохраняется, например легенда о сыне Словена Волхве-Чародее, а также указание, что полученная словенами грамота Александра была помещена ими «по правую сторону идола Велеса». Что касается упоминания идола Велеса, то Пахомиевский вариант Сказания отличается от других вариантов текста указанием на нахождение этого идола в Ростове. М.А. Савинов связал это с образованностью Пахомия, вероятно, имевшего представление о распространении культа Велеса в Ростовских землях [1, с. 85–86].

Само упоминание Ростова в Пахомиевском виде Сказания делает его одним из древнейших русских городов, упоминаемых в «Хронографе Пахомия» наряду со Словенском Великим (Новгородом), Старой Руссой, Изборском. Упоминание Ростова в этом контексте, хоть и без указания на время его основания, фактически подразумевает его существование уже во времена вымышленного договора славянских князей с Александром Македонским и повышает таким образом престиж Северо-Восточной Руси.

Текст «Сказания о Словене и Русе», включая его Пахомиевский вид, завершается рассказом о призвании словенами и русами Рюрика по завещанию Гостомысла. Рюрик здесь назван «курфустром из Прусской земли» (герцогами Пруссии с 1603 г. были курфюрсты Бранденбурга, чем может объясняться использование автором XVII в. этого титула по отношению к Рюрику) и представителем «рода суща Августа» [12, л. 543]. Наличие сюжета о римском происхождении Рюрика, восходящего к таким памятникам XVI в., как «Послание Спиридона Саввы» и «Сказание о князьях Владимирских», связывает легендарный этногенетический сюжет о Словене, Русе и их потомках с элементом традиционной для русского историописания предшествующего XVI столетия династической концепцией московских Рюриковичей.

Использование Сказания в качестве вступительной части «Хронографа», посвященной истории Руси, свидетельствует о наличии определенного запроса у части русских книжников, к которым относился Пахомий, к этногенетическим легендам, предлагающим оригинальный взгляд на историю славян и русов. Пресечение династии московских Рюриковичей и опыт Смуты, в ходе которой на трон претендовали самозванцы и иноверцы, не могли не воздействовать на самосознание жителей Московского государства. Как известно, в конечном итоге на

престол был избран Михаил Федорович, ставший первым представителем новой царской династии. В этом контексте и могла быть востребована легенда о древнем и могущественном словенорусском народе, который, перетерпев многочисленные бедствия, избрал себе правителя (Рюрика), положившего начало династии. Впрочем, интерес к династической концепции московских Рюриковичей, несмотря на смену правящей династии, по-видимому, продолжал сохраняться, о чем свидетельствует и эпизод с призванием Рюрика в «Сказании о Словене и Русе» и другие элементы «Хронографа Пахомия», о которых пойдет речь далее.

За «Сказанием о Словене и Русе» в «Хронографе Пахомия» следует другой любопытный памятник – «Предание об основании Москвы Олегом». Оно представляет собой хронографическую статью, которая кратко сообщает, что князь Олег (так в источнике. – Г.Е.) основал город на реке Москве и посадил в нём на княжение своих «сродников» [12, л. 543 об.]. Это известие читается только в составе «Хронографа Пахомия», являясь неотъемлемой органической частью его повествования. Исходя из этого обстоятельства, П.С. Стефанович справедливо предположил, что автором рассматриваемой статьи мог быть сам архиепископ Пахомий [14, с. 111–115].

«Предание об основании Москвы Олегом» играет довольно важную роль в контексте общего повествования «Хронографа Пахомия». Наиболее очевидной его идеей является «удревнение» Москвы и отнесение её основания еще ко временам первых русских князей. Обращает на себя внимание и указание на то, что Олег посадил на княжение в основанном им городе неких «сродников». Таким образом подразумевается, что, хотя якобы основанная Олегом Москва и не сразу стала столицей, в ней с самого начала существовал княжеский стол, который занимали «сродники» Олега. Наконец, помещение основания Москвы во времена Олега фактически делает Москву одним из самых древних городов Руси, упоминаемых в «Хронографе Пахомия», и вторым по старшинству городом Северо-Восточной Руси после упомянутого в Пахомиевском варианте «Сказания о Словене и Русе» Ростова. Таким образом, известие об основании Москвы Олегом, будучи крайне лаконичным по своему содержанию, тем не менее резко поднимает престиж будущей столицы России в контексте схемы истории Руси, выстроенной в «Хронографе Пахомия».

Статья об основании Москвы Олегом продолжена известием о взятии им же Киева. Вместо Аскольда и Дира, известных по «Повести

временных лет», в кратком сообщении «Хронографа Пахомия» говорится об убийстве Олегом «трех братьев киевских начальников» – Кия, Щека и Хорива, то есть легендарных предводителей полян, с которыми летописная традиция связывает основание Киева [12, л. 544]. Таким образом, Пахомий совместил два летописных сюжета – об братьях-основателях Киева (хотя о самом основании города у Пахомия не упоминается) и взятии его Олегом. Впрочем, смысл такого изменения сюжета летописного источника не вполне понятен.

Интерес с точки зрения исторической концепции, содержащейся в «Хронографе Пахомия», представляет также рассказ о четырех крещениях Руси, который разбивает собой объемный фрагмент из «Жития Святой Ольги», заимствованного из «Степенной книги» [1, с. 88–89]. Рассказ начинается с указания, что Русь приняла крещение не единожды, а четыре раза [12, л. 550 об.]. Согласно рассматриваемому фрагменту, первое крещение славян произошло при Андрее Первозванном. Второе – во времена Василия Македонянина и митрополита Фотия, когда Василий заключил мир с «российскими князьями» и народами на условиях их крещения. Третьим крещением стало крещение Ольги, и, наконец, четвертое и окончательное крещение произошло при Владимире Святославиче [12, л. 550 об. – 554 об.].

М.А. Савинов отметил композиционную схожесть данного текста с рассказом «Густынской летописи», где также сообщается о нескольких крещениях Руси [1, л. 531–535]. Однако в отличие от рассматриваемого фрагмента «Хронографа Пахомия», в котором речь идет о четырех крещениях Руси, «Густынская летопись» сообщает о пяти крещениях [15, с. 39–45].

В то же время Т.А. Опарина отмечает, что сюжет о четырех крещениях Руси возник в среде православных интеллектуалов Речи Посполитой. Впервые он фиксируется в «Палинодии» Захарии Копыстенского – произведении, созданном между 1617 и 1624 г. [16, с. 636–637]. Впоследствии этот рассказ отразился «Катехизисе» Лаврентия Зизания (1627), в «Книге о вере» (1644–1648 гг.) и предисловии к московскому печатному изданию «Кормчей» (1650–1653 гг.) [16, 636–662]. На сюжет о множественных крещениях Руси и его развитие также обращал внимание П.С. Стефанович [17, с. 93–102]. Рассматриваемый фрагмент «Хронографа Пахомия» не является дословным повторением рассказа из вышеуказанных произведений, хотя и приводит в общих чертах содержащиеся в них сюжеты и безусловно появился под влиянием вышеупомянутой традиции, восходящей к право-

славной книжности Речи Посполитой. Кроме того, рассказ о четырех крещениях «Хронографа Пахомия» имеет ряд уникальных особенностей.

Среди них надо отметить довольно серьезную проработанность и непротиворечивость концепции «четырёх крещений». Автор специально указывает, по какой причине христианство не прижилось на Руси после каждого из трёх крещений. Приведённые им причины объясняют необходимость повторного крещения. Так, *первый раз* Русь приняла крещение от апостола Андрея, побывавшего на Киевских горах и в Новгороде [12, л. 550 об. – 551]. Указывается, что Русь после этого даже имела своего епископа, который участвовал в первом поместном соборе в Антиохии [12, л. 551]. Однако впоследствии «Российская земля» была «обременена» войнами, вследствие чего из-за идолопоклонников и «невѣглас» междоусобия «вѣра христианская в велицей Росии изсяче многое время» [12, л. 551].

Следующее крещение, согласно рассматриваемой легенде, произошло при византийском императоре Василии Македоняnine и патриархе Фотии (то есть во второй половине IX в.). Заключив мир с «росискими князьями и с народы», Василий поставил условием мира принятие ими крещения и послал на Русь митрополита Михаила. Далее следует описание испытания веры: «народы» согласились креститься только при условии «знамения чюдна» и попросили Михаила положить в огонь Евангелие. Книга не сгорела, что произвело впечатление на язычников, согласившихся принять крещение, что, впрочем, сделали не все. И впоследствии от оставшихся в дальних краях идолопоклонников христиане начали испытывать гонения, а христианство «порушиша на многия лѣта» [12, л. 551–552].

Третье и четвертое крещения связаны с Ольгой и Владимиром. Крещение Ольги, хотя и включено в ряд «крещений Руси», традиционно преподнесено как индивидуальный случай принятия крещения, с уточнением, заимствованным из «Повести временных лет», что её сын Святослав не захотел креститься, но и не преследовал христиан [12, л. 552–553].

Повествование о крещении Руси Владимиром представляет собой относительно краткий текст, в сравнении с аналогичными рассказами «Степенной книги» или «Русского Хронографа» редакций 1617 и 1620 г., которые могли послужить источниками для Пахомия. Здесь сообщается о желании Владимира принять христианство, приезде в Киев Кирилла Философа, походе Владимира на Корсунь, его слепоте и чудесном исцелении, последовавшем за принятием крещения [12, л. 553–554 об.]. Обращает на себя

внимание тот факт, что в рассматриваемом фрагменте отсутствует мотив выбора веры Владимиром – крещение по византийскому обряду в данном контексте выступает безальтернативным вариантом.

Таким образом, сюжет о четырех крещениях Руси в «Хронографе Пахомия» не является полностью оригинальным и, в основном, повторяет рассказ, читающийся в «Палинодии» Захарии Копыстенского, «Катехизисе» Лаврентия Зизания, «Книге о вере» и во вступлении к московскому печатному изданию «Кормчей». Однако отличительной особенностью рассказа «Хронографа Пахомия» является попытка объяснить, почему каждый раз требовалось принимать крещение заново.

Если изначально рассмотренный выше сюжет был востребован в среде православных в Речи Посполитой в контексте полемики с католиками и униатами, то в книжности Московского государства он мог стать актуальным как рефлексия событий Смуты. События последней воспринимались как угроза православию со стороны царей-самозванцев и иноверцев (напомним, что в сюжете о четырех крещениях несколько раз говорится о «изсячении» и «порушении» христианства на Руси), а её завершение и избрание на престол православного царя – как торжество православия.

Следующий сюжет, представляющий интерес с точки зрения содержащейся в «Хронографе Пахомия» исторической концепции, связан с легендой о византийских дарах Владимиру Мономаху. Этот рассказ в «Хронографе Пахомия» представляет собой переработку популярного в памятниках XVI–XVII вв. сюжета о даровании Владимиру Мономаху царских регалий, впервые встречающегося в «Послании Спиридона-Саввы» и «Сказании о князьях Владимирских» [12, л. 558–561 об.].

Рассказ в «Хронографе Пахомия» сообщает следующее. Посовещавшись со своими боярами, Владимир Мономах решает возобновить сбор дани с Царьграда, которую взимали Олег, Игорь, Святослав, Владимир и Всеволод. К царю (императору) было отправлено посольство, не добившееся своей цели. В ответ на это Владимир посылает своего сына Мстислава с войском в поход на Фракию, следствием чего становится отправка уже византийского посольства ко Владимиру, которое, помимо прочего, привозит дары от царя: животворящий крест, царский венец, крабицу, цепь, скованную «от злата аравитского» и «иные многи дары» [12, л. 558–559]. Список этих даров, дополненный порфирой, далее повторяется в несколько другом виде: животворящий крест, порфира, вис-

сон, гривна золотая и венец царский [12, л. 560]. Получив упомянутые дары и будучи коронован царским венцом, Владимир был наречен Мономахом и провозглашен царем [12, л. 560–560 об.]. Этот рассказ композиционно в основном повторяет свои возможные источники – «Послание Спиридона-Саввы» и «Сказание о князьях Владимирских».

М.А. Савинов обратил внимание на упоминание Августа – участника византийского посольства к Владимиру Мономаху. Августалий отсутствует в других аналогичных памятниках XVII в., но упоминается в «Послании Спиридона-Саввы», созданном в XVI в. [1, с. 95–96]. В то же время в «Хронографе Пахомия» входивший в упомянутое ранее посольство антиохийский стратиг назван по имени (Антипа), что роднит рассматриваемый фрагмент с «Сказанием о князьях Владимирских», но не с «Посланием Спиридона-Саввы». Таким образом, по мнению М.А. Савинова, рассказ о Мономаховых дарах в «Хронографе Пахомия» мог быть составлен на основе обоих вариантов этой легенды, отраженных в упомянутых памятниках XVI в. Кроме того, исследователь отмечает уникальную черту рассказа о Мономаховых дарах в «Хронографе Пахомия» – Владимир отправляет к Константину своё посольство с требованием дани еще до похода на Фракию [1, с. 95–96].

В рассмотренном фрагменте отражена только та часть «Сказания о князьях Владимирских», где речь идет о Мономаховых дарах, но отсутствует указание на римское происхождение Рюрика. В то же время, как отмечалось ранее, об этом говорится в заключительной части «Сказания о Словене и Русе», которое открывает «русскую» часть «Хронографа Пахомия». Фактически, в «Хронографе Пахомия» указание на римское происхождение Рюрика в «Сказании о Словене и Русе» и фрагмент о Мономаховых дарах дополняют друг друга, соединяя две части династической легенды в единое повествование [1, с. 93].

Таким образом, содержащийся в «Хронографе Пахомия» рассказ о Мономаховых дарах можно признать отчасти уникальным среди памятников, продолжающих традицию «Послания Спиридона-Саввы» и «Сказания о князьях Владимирских». В то же время стоит отметить, что М.А. Савинов нашел определенные параллели этого текста с аналогичным фрагментом более позднего «Патриаршего свода 1680 г.», оговарив, что прямых параллелей в других памятниках XVII в. не наблюдается [1, с. 95–96].

Легенда о Мономаховом венце получает в «Хронографе Пахомия» оригинальное развитие.

Приняв упомянутые дары и короновавшись «царским венцом», Владимир Мономах завещает своим потомкам не провозглашать никого царем после его смерти. В противном случае, по мнению Владимира, это создало бы повод для зависти других князей, которая привела бы к убийству царя и дальнейшим междоусобицам [12, л. 561]. Тем не менее наследник правителя теперь должен был получать на хранение от своего отца царские дары: животворящий крест, порфиру и виссон, золотую гривну и царский венец. Дары должны были передаваться из поколения в поколение «до времени, дондеже от рода их воздвигнет Бог в Велицей России царя единодержца» [12, л. 561 об.]. Впоследствии каждое сообщение о восшествии на престол нового представителя правящей династии предваряется указанием на передачу ему его отцом «на хранение» упомянутых царских даров. Стоит отметить, что представителями «царского колена» здесь считаются только прямые предки Федора Иоанновича – последнего правителя из династии московских Рюриковичей. В этом смысле «Хронограф Пахомия» однозначно подражает «Степенной книге» – памятнику, в котором, на момент его создания, династическая концепция московских Рюриковичей была сформулирована в наиболее прямом и законченном виде.

Пахомий отдельно сообщает о потомстве каждого из великих князей, оговаривая, что лишь один из сыновей пошел «в царское колено», а значительная часть других сыновей была бездетна. Например, сыновья самого Владимира Мономаха перечислены следующим образом: Мстислав бездетен, Святослав бездетен, Ярополк, Вячеслав, Роман бездетен, Георгий, Андрей бездетен. Далее сказано, что эти сыновья, за исключением Георгия, «пошли в удельные князи» и только князь Георгий «пошел в царское колено» [12, л. 560 об.]. Указания на бездетность тех или иных сыновей великих князей в «Хронографе Пахомия» не всегда соответствуют действительности. Так, например, из упомянутых выше сыновей Владимира Мономаха среди бездетных указан Мстислав Владимирович, который, в действительности, имел обширное потомство и был родоначальником смоленской и волынской княжеских династий.

Подобные сведения о детях великого князя, с указанием наследника, пошедшего «в царское колено», и бездетности большинства остальных сыновей, а также рассказ о последующей передаче наследнику «царских даров» сопровождаются повествованием о всех последующих князьях начиная с Георгия Владимировича (Юрия Долгорукого) и заканчивая Василием III включи-

тельно. Выходя за обозначенные хронологические рамки интересующих нас известий, отметим, что о передаче даров двум последним представителям династии московских Рюриковичей – Ивану IV и его сыну Федору Иоанновичу – в тексте не сообщается, хотя их царский статус не ставится под сомнение.

Текст «Хронографа Пахомия» об Иване IV, по-видимому, заимствованный из «Русского Хронографа» редакции 1620 г. [1, с. 97], носит вполне комплиментарный этому царю характер, в силу чего причиной «умолчания» о передаче ему и впоследствии Федору царских регалий вряд ли было критическое отношение Пахомия к Ивану. Кроме того, как отмечалось ранее, в рассматриваемом тексте присутствует фрагмент с «завещанием» Владимира Мономаха, где указано, что царские регалии должны храниться потомками до тех пор, пока «в велицей Росии» не появится царь-самодержец, под которым мог подразумеваться именно Иван IV. Впрочем, вопрос о том, почему при таком внимании к легенде о Мономаховых дарах в «Хронографе Пахомия» сюжет с венчанием на царство Ивана IV фактически проигнорирован, остается открытым.

Кроме того, в «Хронографе Пахомия» утверждается, что великокняжеский престол почти всегда напрямую переходил к представителю «царского колена», минуя представителей «побочных» (с точки зрения династической концепции московских Рюриковичей) ветвей династии, занимавших великокняжеский престол в действительности. Исключением здесь является Георгий (Юрий) Всеволодович, который в «Хронографе Пахомия» назван великим князем [12, 563 об.], хотя «пошел в царское колено», получил от отца благословение и царские регалии его брат Ярослав, княживший в Новгороде [12, л. 563 об. – 564]. Таким образом, можно утверждать, что в «Хронографе Пахомия» мотив прямой династической преемственности от первых Рюриковичей к московским князьям проводится еще более прямо и бескомпромиссно, чем в «Степенной книге», в которой факт занятия великокняжеского престола князьями, выпадающими из «степенного» ряда, как правило, не замалчивается. В то же время в «Хронографе Пахомия» отсутствует система «степеней», характерная для «Степенной книги».

Отдельного упоминания заслуживает утверждение, согласно которому литовские князья происходят от Изяслава Владимировича – князя Полоцкого (позднее встречается противоречащее указание, что предком литовских князей является Игорь Ярославич – князь Волынский) [12, л. 556, л. 557]. Так, в «Хронографе Пахомия» подразумевается, что Литва – изначально

лишь одно из удельных княжеств Руси, управляемых князьями-Рюриковичами, что подразумевает её зависимость от великих князей, пошедших «в царское колено» и правящих в Киеве, а впоследствии во Владимире и Москве.

Попытка изобразить литовских князей как младшую ветвь князей-Рюриковичей предпринималась в «Сказании о князьях Владимирских», памятнике XVI в., вероятно, известном составителю «Хронографа Пахомия». Однако в Сказании сообщается, что литовский князь Витенец (Витень) происходит из рода смоленских князей [18, с. 179–181]. То есть в Сказании также проводится мысль о происхождении литовских князей от Рюриковичей, но от смоленской ветви, а не полоцкой, как в «Хронографе Пахомия», и без указания, какой именно русский князь являлся их предком. Таким образом, Пахомий, заимствовав идею о связи литовских князей с Рюриковичами из «Сказания о князьях Владимирских», предлагает её собственную интерпретацию. Можно предположить, что идея о якобы имевшей место зависимости Литвы от Руси в прошлом, возникнув в контексте противостояния Московского государства с Великим княжеством Литовским в первой половине XVI в., сохраняла свою актуальность и в рамках противостояния с Речью Посполитой в XVII в.

Стоит также отметить сюжет о «переходе» княжеского центра из Киева во Владимир и затем в Москву. Так, согласно «Хронографу Пахомия», великое княжение перешло из Киева во Владимир при Всеволоде Юрьевиче (Большое Гнездо), а из Владимира в Москву – при Данииле Александровиче [12, л. 563., л. 568].

Обращает на себя внимание рассказ «Хронографа Пахомия», повествующий о Батыевом нашествии. В основу этой части текста легли статьи «Русского Хронографа» редакции 1620 г. [1, с. 97], что доказывается определенным композиционным сходством. Однако есть ряд особенностей, отличающих его от предполагаемого источника. В частности, Пахомиевский рассказ о Батыевом нашествии заметно короче такового в «Хронографе» редакции 1620 г. Во фрагменте «Хронографа Пахомия» сообщается о взятии Батыем «Рязанских градов» и последующем походе на Владимирское княжество. Обращает на себя внимание тот факт, что среди рязанских городов упоминается только Переяславль (Рязанский), который, по-видимому, ретроспективно воспринимался автором этого рассказа как центр Рязанской земли уже в XIII в. [12, л. 564–564 об.].

Обращает на себя внимание эпизод взятия Батыем Москвы, в результате которого был пленен князь Иоанн [12, л. 564 об.]. В летописной традиции, восходящей к Лаврентьевской

летописи, в контексте взятия Батыем Москвы обычно упоминался князь Владимир Юрьевич [1, стб. 460–461]. Этот князь фигурирует и в вероятных источниках русских статей «Хронографа Пахомия» – «Степенной книге» [20, с. 264], «Русском Хронографе» редакций 1617 г. [21, л. 301] и 1620 г. [22, л. 670] (в цитируемом списке «Хронографа» редакции 1620 г. этот князь указан как «Юрий Владимир»). Таким образом, хотя рассматриваемый фрагмент, очевидно, восходит к вышеупомянутой традиции, не вполне ясно, почему Пахомий указал имя плененного при взятии Москвы князя – *Иоанн*.

Хотя в этом кратком сообщении никак не раскрывается личность «князя Иоанна», его упоминание Пахомием фактически постулирует наличие княжеского стола в Москве уже в период Батыева нашествия. Напомним, что в составе рассматриваемого текста читается «Предание об основании Москвы Олегом» и княжении в этом городе его «сродников» уже в конце IX в. Можно сказать, что в повествовании «Хронографа Пахомия» последовательно проводится линия на «удревнение» истории Московского княжества, причем это сделано непротиворечиво. В то же время в этом контексте стоит отметить отсутствие в рассматриваемом тексте упоминания Михаила Ярославича (Хоробрита) – легендарного князя, также связываемого в позднелетописной и хронографической традиции с Москвой.

Другим выделяющимся эпизодом летописной части «Хронографа Пахомия» в контексте Батыева нашествия является рассказ о ростовском епископе, который нашел на месте битвы на реке Сить отрубленную голову князя Георгия (Юрия) Всеволодовича. Голова князя чудесным образом приросла к телу, после чего останки были отправлены во Владимир [12, л. 565–565 об.]. Данный сюжет восходит к Лаврентьевской летописи, где сообщается о принесении епископом Кириллом тела Юрия в Ростов и последующем принесении его отрубленной головы и захоронении ее вместе с телом [19, стб. 465, 467]. Источником для соответствующего фрагмента «Хронографа Пахомия», вероятно, послужила «Степенная книга», так как именно в ней впервые встречается указание на чудесное прирастание головы князя к телу (однако, в отличие от «Степенной книги», в «Хронографе Пахомия» останки князя были доставлены сразу во Владимир, минуя Ростов) [20, с. 265]. А.В. Сиренов отмечает, что такое дополнение могло быть сделано составителями этого памятника, чтобы обосновать отсутствие соответствующих повреждений на мощах князя [23, с. 21–23]. Схожий сюжет встречается в

Воскресенской и Никоновской летописях, однако, в отличие от «Степенной книги», в них отсутствует указание на чудесное прирастание отрубленной головы князя к телу [24, с. 142–143; 25, с. 111].

А.В. Сиренов также обратил внимание на актуализацию памяти о Георгии (Юрии) Всеволодиче в середине XVII в. В 1645 г. произошла канонизация князя, а его мощи были перенесены из каменной гробницы в позолоченную раку [23, с. 24–32]. Этим может объясняться внимание Пахомия к сюжету с гибелью этого князя, хотя он и «выпадает» из прямого ряда предков московских князей, которым, как было показано ранее, он уделял основное внимание. Также «выпадают» из этого ряда Михаил Черниговский и его боярин Федор, Василий и Константин Ярославские и Меркурий Смоленский, о мученической смерти которых от рук Батыя, основываясь, вероятно, на соответствующих фрагментах «Степенной книги», кратко сообщается в «Хронографе Пахомия» [12, л. 566 об.]. Таким образом, все упомянутые в этой части текста князья, а также боярин Федор и Меркурий Смоленский объединены фактором мученичества в период Батыева нашествия, а также «общерусским» характером их почитания, чем также, очевидно, объясняется внимание к ним Пахомия.

Стоит также выделить хронографические статьи, повествующие об Александре Ярославиче Невском (так в источнике. – *Е.Г.*). Сообщая о поездке Александра в Орду к Батыю, автор отмечает, что причиной такой поездки стало то, что Бог наказывает русских князей, отдав их «под державу нечестивому Батыю царю» [12, л. 566 об. – 567]. Таким образом, здесь воспроизводится традиционное для русского летописания восприятие Батыева нашествия и установления зависимости русских князей от монгольских правителей как проявления Божьего гнева. В то же время стоит отметить, что текст «Хронографа Пахомия» практически не сообщает о княжеских междоусобицах в домонгольский период, вследствие чего не вполне ясно, за что Бог наказывает русских князей Батыевым нашествием в интерпретации Пахомия.

Вернувшись из Орды, Александр «садится» на великое Владимирское княжение, также получив во владение Киев, Москву и «всю русскую землю» [12, л. 567 об.]. Если указание о получении Александром ярлыка на Киев и «всю русскую землю» является традиционным и встречается еще в Лаврентьевской летописи [19, стб. 472], то упоминание в этом контексте Москвы является нововведением, вписываемым в неоднократно отмечавшуюся выше

тенденцию «Хронографа Пахомия» ретроспективно преувеличить роль Москвы с целью обосновать её будущий статус как центра русских земель.

Между сообщениями о поездке Александра в Орду к Батыю и его возвращении в тексте «Хронографа Пахомия» помещена «Повесть об убиении Батыя в Венгрии». Хотя сюжет «Повести» напрямую не связан с историей Руси, его наличие в рассматриваемом тексте стоит отметить. Этот текст сообщает о походе Батыя в Венгрию и его гибели в сражении с венгерским королем Владиславом. Согласно тексту «Повести», Батый, «не насытившись русской кровью», решил напасть также и на Угорскую землю (Венгрию). В ходе похода он осадил город Вардин, в котором укрылся король Владислав, а также захватил его сестру. Помолившись Богу, Владислав смог разбить войско Батыя и убил его самого [12, л. 567–567 об.]. Также в «Повести» присутствует указание на крещение Владислава святым Саввой Сербским [12, 567 об.]. Несмотря на явно мифический характер, данный текст был популярен в русском летописании и хронографических текстах. Текст «Повести» впервые встречается в таких памятниках, как Московский летописный свод, Ермолинская и Типографская летописи [26, с. 191–192]. Созданная не позднее 1477 г., вероятно, при участии Пахомия Сербского [26, 204–205], «Повесть об убиении Батыя» стала неотъемлемой частью повествования о Батиевом нашествии в русской исторической книжности: он встречается в «Русском Хронографе», Воскресенской, Никоновской летописях и «Степенной книге».

В состав «Хронографа Пахомия» «Повесть» попала, по-видимому, из «Русского Хронографа» редакции 1620 г. [1, с. 97–98]. Вариант, читающийся в рассматриваемом тексте, несколько сокращен по сравнению с предполагаемым источником. Например, здесь нет указаний на то, что захваченная Батыем сестра Владислава в ходе боя помогала своему пленителю, за что была убита братом, и не сообщается, что Владислав пощадил некоторых «басурман», пожелавших креститься. Также сообщение о крещении Владислава святым Саввой приводится после рассказа о битве с Батыем, а не перед ним. Хотя в «Хронографе Пахомия» не читается каких-либо значимых нововведений в тексте «Повести об убиении Батыя», стоит отметить сам факт продолжения бытования этого сюжета в русской книжности середины XVII в.

Согласно «Хронографу Пахомия» прямым наследником Александра Ярославича, получившим от него «царские дары», стал Даниил Александрович. Как отмечалось ранее, в тексте

присутствует указание на переход с этого момента великого княжения «из Владимира на Москву» [12, л. 568]. Дальнейшее повествование в рассматриваемом тексте сосредоточено уже почти исключительно на князьях Московского дома и выходит за заявленные хронологические рамки.

Подводя итог, можно заключить, что летописная часть «Хронографа Пахомия» «Летописишк вкратце о Русской земли» представляет собой довольно интересный памятник историко-политической мысли середины XVII в., а деятельность автора текста – архиепископа Пахомия или работавшего под его руководством летописца – хотя и носила преимущественно характер компиляции, но отнюдь не сводилась к простому копированию материала. В изложении истории Древней Руси автор «Хронографа Пахомия» совмещает новые тенденции к историческому «мифотворчеству» с более традиционным историческим нарративом, опирающимся на такие памятники предшествующего XVI в., как «Сказание о князьях Владимирских» и «Степенная книга».

Нововведения проявляются, например, в «Сказании о Словене и Русе», которое, как было показано выше, открывает «русскую» часть текста, заменяя собой традиционный для русского летописания сюжет из «Повести временных лет». При этом автор «Хронографа Пахомия» не ограничился простым включением Сказания в свой текст, но творчески переработал некоторые его моменты, которые, впрочем, критически не влияют на сюжет. Склонность к новаторству проявилась в «Предании об основании Москвы Олегом», которое, вероятно, было создано при составлении «Хронографа Пахомия». Тяготение к новым сюжетам обнаруживается также в рассказе Пахомия о четырех крещениях Руси, который появился под влиянием литературы восточнославянских земель Речи Посполитой.

Более традиционные сюжеты в «Хронографе Пахомия» представлены «римской легендой» и сюжетом о Мономаховых дарах, характерными для династической концепции московских Рюриковичей XVI в. Однако и в случае сюжета о Мономаховых дарах мы наблюдаем «доработку» этой концепции автором «Хронографа Пахомия» – теперь дары получает не только сам Владимир Мономах, но и наследник каждого князя в ряду представителей «царского колена».

Интерес Пахомия к истории Руси вполне вписывается в общую тенденцию роста интереса к древнерусскому прошлому в первые десятилетия после Смуты, который также проявился в таких памятниках, как «Сказание о Словене и

Русе» (включенное в состав «Хронографа Пахомия»), «Повесть о зачале Москвы» и Летописный свод 1652 г. Таким образом, летописная часть «Хронографа Пахомия» занимает заметное место в исторической литературе первой половины XVII в. и, безусловно, должна быть помещена в контекст изучения общественно-политической мысли этого периода.

Список литературы

1. Савинов М.А. Архиепископ Астраханский и Терский Пахомий и его хронограф.: Дис. ... кандидата исторических наук. СПб., 2016. 160 с.
2. Строев П.М. Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической комиссии корреспонденту И.Н. Царскому. М., 1848.
3. Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Т. 2. 290 с.
4. Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. 541 с.
5. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т. 2. Кн. 2.
6. Насонов А.Н. История русского летописания XI–XVIII вв. М.: Наука, 1969. 555 с.
7. Савинов М.А. Хронограф Пахомия – памятник русской исторической мысли XVII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2009. Вып. 1. С. 38–44.
8. Солодкин Я.Г. История позднего русского летописания: Учебное пособие. М.: МАЛП, 1997. 198 (1) с.
9. Зиборов В.К. Пахомий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1987–2017. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. 1998. С. 25–26.
10. Буганов В.И., Рогожин Н.М. Краткий московский летописец начала XVII в. из Галле (Германия) // Архив русской истории. Вып. 8. М.: Древлехранилище, 2007. С. 519–573.
11. Емельяненко Г.А. Концепция древнейшей истории Руси в Сказании о Словене и Русе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (94). М.: Индрик, 2023. С.100–116.
12. ОР РНБ. Ф. 550.FIV.600.
13. Ромодановская Е.К. Киприан (Старорусенков) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1987–2017. Вып. 3: (XVII в.). Ч. 2. 1993. С. 156–163.
14. Стефанович П.С. Основание Москвы Олегом и Хронограф Пахомия // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 111–115.
15. ПСРЛ. Т. 40. СПб, 2003.
16. Опарина Т.А. Москва как новый Киев, или Где же произошло крещение Руси: взгляд из первой половины XVII века // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Круг, 2009. С. 635–663.
17. Стефанович П.С. Крещение руси в исторических сочинениях XVI–XVII вв. // Нарративы руси конца XV – середины XVIII вв.: в поисках своей истории. М.: РОССПЭН, 2018. С. 80–102.
18. Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 216 с.
19. ПСРЛ. Т. 1 Изд. 2-е. Л., 1926–1928.
20. ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908.
21. ОР РГБ. Ф. 37. № 415.
22. ОР РГБ. Ф. 310. № 726.
23. Сиренов А.В. Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирович в истории, житиях, легендах / Подгот. текстов и исслед. А.В. Сиренова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 232. с.: ил.
24. ПСРЛ. Т.08. СПб., 1856.
25. ПСРЛ. Т. 10. СПб, 1885.
26. Горский А.А. «Повесть о убиении Батые» и русская литература 70-х гг. XV в. // Средневековая Русь. Часть 3 / Отв. ред. А.А. Горский. М.: Индрик, 2001. С. 191–221.

FEATURES OF THE PRESENTATION OF THE HISTORY OF ANCIENT RUS' IN CHRONOGRAPH OF ARCHBISHOP PACHOMIUS

G.A. Emelyanenko

The article deals with the fragments of Chronograph of archbishop Pachomius dedicated to history of Rus' until the second third of 13th century. First time in historiography, this part of the Chronograph is analyzed in detail. The research analyses origins of every of the fragments in question and provides hypotheses explaining the reasons for the author's appeal to one or another narrative. The conducted research reveals that although the considered part of Chronograph of Pachomius is mostly of compilative nature in also contains some original narratives. Author of the article concludes that Chronograph of Pachomius fits in broader context of revival of interest in Old Russian past in the middle of 17th century. In turn, the cause of this interest was the reflection of the events of the Time of the Troubles.

Keywords: Chronograph of Pachomius, Chronograph of special composition, Dynastic concept, Russian chronicle writing.

References

1. Savinov M.A. Archbishop Pakhomiy of Astrakhan and Tersk and his chronograph: Dissertation of the Candidate of Historical Sciences. St. Petersburg, 2016. 160 p.
2. Stroeve P.M. Russian manuscripts belonging to the honorary citizen and the Archaeological Commission correspondent I.N. Tsarsky. M., 1848.
3. Popov A.N. Review of chronographs of the Russian edition. M., 1869. Vol. 2. 290 p.

4. Popov A.N. Izbornik Slavic and Russian works and articles included in the chronographs of the Russian edition. M., 1869. 541 p.
5. Ikonnikov V.S. The experience of Russian historiography. Kiev, 1892. Vol. 2. Book 2.
6. Nasonov A.N. The history of the Russian chronicle of the XI–XVIII centuries. M.: Science, 1969. 555 p.
7. Savinov M.A. Russian chronograph Pakhomiya – monument of Russian historical thought of the XVII century // Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 2. 2009. Issue 1. P. 38–44.
8. Solodkin Ya.G. History of the late Russian chronicle: Textbook. M.: MALP, 1997. 198 (1) p.
9. Ziborov V.K. Pakhomiy // Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Russia. L.: Science, 1987–2017. Issue 3 (XVII century). Part 3. 1998. P. 25–26.
10. Buganov V.I., Rogozhin N.M. The Brief Moscow chronicler of the beginning of the XVII century from Halle (Germany) // Archive of Russian History. Issue 8. M.: Drevlekhranishche, 2007. P. 519–573.
11. Emelianenko G.A. The concept of the ancient history of Russia in the Legend of Slovenia and Rus // Ancient Rus. Issues of medieval studies. № 4 (94). M.: Indrik, 2023. P. 100–116.
12. DM RLS. Coll. 550. FIV. 600.
13. Romodanovskaya E.K. Kyprian (Starorusenkov) // Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Russia. L.: Science, 1987–2017. Issue 3 (XVII century). Part 2. 1993. P. 156–163. DM RLS
14. Stefanovich P.S. The foundation of Moscow by Oleg and the Chronograph by Pakhomy // Ancient Russia: questions of Medieval studies. 2019. № 1 (75). P. 111–115.
15. CCRC. Vol. 40. St. Petersburg, 2003.
16. Oparina T.A. Moscow as a new Kiev, or Where the baptism of Rus took place: a look from the first half of the XVII century // History and memory. Historical culture of Europe before the beginning of Modern times. M.: Krug, 2009. P. 635–663.
17. Stefanovich P.S. The Baptism of Russia in historical writings of the XVI–XVII centuries // Narratives of Russia of the late XV – mid XVIII centuries: in search of its history. M.: ROSSPAN, 2018. P. 80–102.
18. Dmitrieva R.P. The legend of the Princes of Vladimir. M.–L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. 216 p.
19. CCRC. Vol. 1. Ed. 2-E. L., 1926–1928.
20. CCRC. Vol. 21. Part 1. St. Petersburg., 1908.
21. DM RLS. Coll. 37. № 415.
22. DM RLS. Coll. 310. № 726.
23. Sirenov A.V. Path to the city Kitezh: Prince George of Vladimir in history, lives, legends / Preparation texts and research A.V. Sirenov. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. 232. p.: ill.
24. CCRC. Vol. 08. SPb., 1856.
25. CCRC. Vol. 10. SPb, 1885.
26. Gorsky A.A. «The tale of the murder of Batu» and Russian literature of the 70s of the XV century // Medieval Russia. Part 3 / Rev. editor A.A. Gorsky. M.: Indrik, 2001. P. 191–221.